

*Ольга
Литаврина*

Препарат

А

18+

Ольга Литаврина-Махнева

Препарат А

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Литаврина-Махнева О. Б.

Препарат А / О. Б. Литаврина-Махнева — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

На смену утраченным умениям человека мы изобрели железные механизмы и роботов, на смену целительной силе трав – химические соединения в таблетках. И все так же люди продолжают искать секреты бессмертия, забыв, что только душа человека – бессмертна. Чем больше испытаний сумеет пройти душа, тем выше поднимется в следующей жизни. И наоборот – чем более бессмысленно, сытно, похотливо проходит жизнь, тем ниже опускается больная душа по кругам ада. Успеет ли спасти свою душу главный герой повести...

© Литаврина-Махнева О. Б., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

В оформлении обложки использовано изображение с <https://pixabay.com/ru/таблетка-наркотиков-наркомания-3184911/>

Препарат А

Глава 1

Коммуналка

По первости Венька Малышев наладился прикладываться к рюмочке вместе со своей тогдашней женой – Мариной. В то время им обоим расслабленные вечера с выпивоном казались приятной детской забавой. Да и думалось тогда Веньке, что такие игры были им вполне заслужены.

Родился Венька в Москве, в 67-м году, в семье молодых ученых-химиков. Как в старом советском фильме, молодым ученым заниматься собственным ребенком оказалось некогда – и тут весьма кстати оказалась бабушка Марья Васильевна – мать Марины. Справиться с Венькой толком бабушка не могла – слишком шустрым и самостоятельным оказался внук. Однажды в пять лет сам добравшийся с дачи в Краскове до Москвы, без сопровождающих и без денег. В итоге Веньку постигла участь «наполовину брошенных» детей. А когда, чуть позже, мать и вовсе развелась с отцом, и в семье появился отчим, дядя Валерий, – к Веньке накрепко приклеилось и словечко «безотцовщина». Словом, в родной семье на него сразу и безнадежно махнул рукой. В отличие от двоюродного брата, Леньки, сына старшей маминой сестры. Ленька учился средне, зато вел себя образцово, слушался мать во всем и во всем же ставился в пример непутевому Веньке.

Кстати, Венька все собирался спросить у матери, намеренно ли его называли как героя повести Павла Нилина «Жестокость» и нашумевшего одноименного фильма? Да так и не спросил.

В общем-то, Венька не унывал. Родную английскую спецшколу имени аж самого В.Г.Белинского закончил с весьма приличным (за счет гуманитарных предметов) аттестатом. В институт тоже поступил – правда, не с первой попытки, опять же, в отличие от Ленюка – тот, хотя и выбрал средний вузико – Тимирязевскую академию – зато поступил сразу. Венька же нацеливался, ни много ни мало, на МГУ. Правда, первая попытка, где он срезался на теории русского языка, при этом имея абсолютную врожденную грамотность, его слегка отрезвила. И на следующий год Малышев рванул уже куда попроще – в Педуниверситет. И с гордостью доложил родным, что прошел, причем на тот же самый факультет русского языка и литературы! Это на некоторое время разрядило обстановку в доме. Правда, не до конца. Независимость Веньки и его неумение «подлаживаться» вызывало перманентное раздражение отчима и тети Жени, матери Ленюка. Позже выяснилась и истинная причина этого раздражения, прямо по Булгакову: в основе всего лежал вечно живой «квартирный вопрос». Венька этого не знал и ранние свои мытарства называл впоследствии «закалкой характера». Время для закалки, оказалось, было ограничено. На пятом курсе своего филфака, в читальном зале библиотеки Ленина, Малышев учудил такое, что даже единственного любящего его человека – бабушку Маню – надолго повергло в шок!

Воды, кстати, к тому времени утекло порядочно. Мать и отчим перебрались на новую квартиру в кооперативе научных работников. Благополучный Ленечка, по обыкновению, не блестяще, но в срок, закончил учебу в Тимирязевке и вышел новоиспеченным ветеринаром. А вот Веньку на новую площадь родичи прописать как-то припоздали. Жить в дедовской квартире с ворчливой теткой стало еще тяжелее. Но Венька и любящая его бабушка Маня решили «поднапрячься» до окончания ВУЗа. Все же жизнь Веньки – как и Тома Сойера – сама подсовывала ему приключения. И практика в библиотеке исключением не стала. Венька, которого и так сразу невзлюбил весь контингент старых дев в отделе, сходу ввязался в глухую борьбу с

местным серым кардиналом – старшим библиотекарем Томочкой, или Тamarочкой Павловной, как лстиво называли ее прихвостни.

От Томочки в отделе и впрямь зависело многое. Неудобные или ставшие неудобными с течением времени сотрудники надолго в коллективе не задерживались – Томочка, на которую директриса охотно переложила трудоемкое ведение отчетной документации, ловко подсовывала на подпись компромат на неудобных – и, наконец, терпение директрисы лопалось.

Она же – Тamarочка Павловна – вела и дневник учета рабочего времени, и журнал опозданий, и графики начисления премиальных, предоставления путевок, выдачи дефицитных тогда талонов на распродажи и продуктовые заказы. Словом, весь отдел, вольно или невольно, крутился вокруг ее солидной персоны. И, соответственно, пышным цветом расцветала такая библиотечная «дедовщина», которая тогда еще не снилась армии!

Как раз во время Венькиной практики – надо же так случиться! – в самом разгаре была травля молодой новенькой сотрудницы, которая провинилась только одним – миловидной внешностью. Примерно через месяц ожидалось премирование сотрудников. И, разумеется, новенькой в их числе не оказалось, хотя у девочки был профильный диплом и над библиотечной картотекой она трудилась безропотно и неустанно. И, как в сталинские времена, с ней сразу перестала общаться большая половина коллектива. Для девочки – молодой мамы – менять работу оказалось делом нелегким: ребенку только-только предоставили место в яслях по соседству с работой! Да и жила она тоже рядом – успевала и приводить, и забирать свою кровинку. И Венька не придумал ничего лучшего, как заслонить ее своей «широкой» спиной. А заодно и заставить саму Томочку – переживать, плакать и не спать ночами.

Как и вообще в жизни, Малышев и здесь, конечно, остался верен себе: в самый день зарплаты, криминально и бесстыдно похитил из Томочкиной сумочки аванс – сорок рублей – и спрятал в книгу на книжной полке над ее рабочим местом.

Событие и впрямь получилось эпохальным! Весь коллектив впервые увидел Томочку во власти самых обычных человеческих чувств: растерянности, страха перед двумя неделями скудной безденежной жизни – и, наконец, обыкновенной женской истерики по поводу обидной потери. Томочка сделалась как-то проще, терпимее к людям, перестала вредничать и злиться – стала даже ниже ростом, как будто сбросила туфли с высоким каблуком. Конечно, больше трех дней Малышев ее мучений не выдержал – решил, что человек достаточно пострадал и преобразился. В обеденный перерыв сам подвел коллег к пресловутой книжной полке и, торжественно достав свой «схрон», вернул его владелице. Однако, вместо счастливого примирения – с Венькой и молодой мамой – Томочка, прямо на глазах вновь стала другим человеком. Вытянулась, встав на невидимые каблуки. Ехидно поджала тонкие губы. Попыталась даже растянуть их в гаденькой улыбочке. И понеслось... «Представители общественности», к радости тетки Жени, заявили к Веньке домой и дружно пригвоздили его к позорному столбу как «злостного похитителя». В библиотеке устроили производственное собрание. Не поленились даже вызвать мать Веньки, даром, что жила она с отчимом отдельно.

На собрании директриса произнесла прочувствованную речь, уверяя, что «только жалось к бедной матери этого человека» помешала ей обратиться в милицию, завести уголовное дело и навсегда испортить Венькину биографию. Мать плакала и просила простить непутевого сына. А выйдя из библиотеки вместе с сыном, долго и горько ругалась, припоминая все его проступки. Завершила она свой монолог требованием – исправиться, переходить на заочное, искать «настоящую» работу и «устраиваться в жизни». А в дедовской квартире тетка Женечка «от лица всех проживающих» велела забирать вещи и сматываться – дескать, у «преступников не может быть родного дома»!

Вначале Венька принял ее тираду за обычную злую шутку. Но, когда на следующий день, забрав отрицательный отзыв о практике из библиотеки, усталый и обозленный, он вернулся домой – любимой бабки Марьи Васильевны, единственной его защитницы, не оказалось дома.

Вещи его все уже были собраны и уложены в спортивную сумку, стоявшую возле входной двери. А в коридор вышла Женечка с требованием «сдать ключ».

Венька много лет помнил злорадную улыбку на ее лице и серые вихры ее Леника, который подслушивал их разговор из-за двери.

Глава 2

Огни и воды

Так и начались в его жизни «огонь и вода», только «медных труб» еще не хватало. Конечно, на улице храбрый Венька не остался. Несколько дней перекаптался у приятелей в общаге, а потом ему бесплатно предложила угол пожилая сотрудница отдела библиографии – единственная, кто поддержал его на том судьбоносном собрании.

Наталья Васильевна, вместе с мужем, интеллигентным и эрудированным Владимиром Олеговичем, заведовавшим читальным залом в библиотеке какого-то НИИ, приютили Веньку до окончания вуза. Он и впрямь перевелся на заочное отделение, так что обеспечивал себя сам – уж больно скучным оказался отчим, дядя Валерий. И, конечно, самостоятельная жизнь настолько окрылила Веньку, что, едва дождавшись госэкзаменов и диплома, торжественно сделал предложение Марине – той самой юной маме, с которой сдружился после памятного судилища.

Сказать, что родители Мариночки были в восторге от зятя, – значило сильно преувеличить. Мариночке перевалило за двадцать восемь, а парень только-только окончил институт, да еще специальность выбрал какую-то несерьезную – словесник, специалист по русской литературе! Но дочь, обычно тихая и послушная, на этот раз проявила характер: или он, или никто! Единственной уступкой молодым родителям стал отказ от «широкой» свадьбы. Не хотели Маринкины предки «светить» перед родней нового непрезентабельного зятя. Ответно, правда, и сами сделали уступку – позволили молодым первое время пожить у себя «под крылышком». Больше, впрочем, из-за малыша – опасались полностью доверить его ни непрактичной Марине, ни – тем более! – несолидному зятю. Какую роль сыграло такое «крылышко» в жизни молодой семьи Малышевых выяснилось чуть позже. А пока молодожены пребывали в самом «медовом» периоде, а малыш ничего не понимал. Молодая семья, по задумке опытных родителей, должна была «притереться» и «устаканиться». Словом, хотели как лучше. А получилось...

По окончании вуза Веньке предложили очную аспирантуру. Малышев был польщен и горд. Заметили, значит, его фундаментальные знания литературы (почерпнутые, в основном, из старой дедовской домашней библиотеки), тем более, на фоне остальной, довольно туповатой, и, в основном, девчачьей группы. Ведь он не раз спасал одногруппниц на зачетах, подсказывая факты, не прописанные в шпорах! Например, когда преподаватель оговорилась, неразборчиво диктуя название повести Льва Толстого о жеребце – призере породы – по кличке Холстомер. Все наивные девицы записали в точности то, что услышали! Хорошо, хоть одна сообразила уточнить у Веньки, что это за странное прозвище – Толстомер? Может, это самого Толстого так прозвали? Но – вернемся к делу. От очной аспирантуры, конечно, пришлось отказаться – Маринка и так села дома, вроде как с ребенком. А безработного аспиранта Малышева не долго терпели бы «старорежимные» женины предки.

Однако и тут поначалу все сложилось замечательно. На Бауманской, где находился иностранный факультет Венькиного вуза, несостоявшемуся аспиранту предложили отличное место – руководителя только открытого в районе детского досугового центра. И более того! Прямо рядом с центром выделили молодой семье служебную жилплощадь в коммуналке – бальзам для независимого сердца новоиспеченного главы семейства Малышевых! Маринка поначалу тоже обрадовалась. Уже на следующий день после получения извещения из вуза о зачислении Малышева В.С. в заочную аспирантуру, как не имеющего прописки, и предоставлении ему места директора детского досугового центра «на Бауманской» с выделением жилплощади в квартире номер такой-то, по улице Баумана «из маневренного фонда указанного

ВУЗа». Будь Венька поопытнее, не живи они с Мариной с самого рождения в Москве, при родителях, – наверняка, обратили бы внимание на слово «маневренного». Но тогда им казалось, что две комнаты в коммуналке потому и называются «маневренными», что впоследствии молодая семья сможет рассчитывать на отдельное, не служебное, а свое, жилье от заинтересованного института.

В таком радостном настроении – хорошо, хоть бабушка Валя, мать Марины, не разрешила «мотать незнамо куда» внука – они вдвоем и явились осматривать новое долгожданное «гнездышко». В деканате их предупредили – комнаты почти полностью обставлены, даже проведены отдельные от соседей водопровод и ванная – просто «живи – не хочу»! Так что Венька с женой ринулись поначалу к дому-новостройке по соседству. Вошли даже в подъезд – и «страшно» удивились, что «выделенная им квартира «один» в этом доме давно занята домоуправлением! Правда, сердобольная сотрудница, оказавшаяся в выходной на месте, вникла в их проблему и объяснила, что «их» дом числится на Бауманской улице под литерой «А», а находится прямо через дорогу, рядом с поликлиникой. Домик этот Малышевы видели, но почему-то решили, что это двухэтажное немолодое здание не может быть ничем иным, кроме как бойлерной. Вот именно к этой «бойлерной» и пришлось возвращаться! Еще на подходе к нелепому двухэтажному уродцу без балконов и подъезда, жалкому на фоне окружавших его новеньких многоэтажек, сердце Веньки предательски дрогнуло. А сердце у человека, как говаривала его любимая бабка Маня, – «вешун»!

Еще больше сжалось сердце у него – и теперь уже, видимо, у Маринки – у входа в пресловутый «маневренный фонд». Никакого подъезда в домике не оказалось. Дверь в центре стены, через которую и вошли Малышевы, напоминала черный ход. Именно к ней, на небольшую площадку, спускалась лестница второго этажа и выходили двери двух квартир на первом. В коммуналке квартиры «два» обитали две одинокие дамы – кажется, вполне приличные. Квартиру «один» им открыл непосредственный сосед – таксист Виктор. Все соседи обитали в «маневренном фонде» временно и так же, как и Малышевы, надеялись на переезд в отдельную квартиру. При этом, работали они в самых разных сферах – и ждали своей очереди долгие годы – прямо как у Чехова в «Трех сестрах». Но обо всем этом Малышевы узнали позже. А пока – вполне любезный, но, по-видимому, чуть поддатый, Виктор показал им «места общего пользования», извинился, что «работа – и в выходной – работа», – и ушел, объяснив, что дверь за собой ребятам можно просто захлопнуть.

Глава 3

Пещера Мории

Так Венька и Марина очутились вдвоем – в подземной пещере Мории, как герои Толкиена. Стоя в центре довольно просторной, общей на две части квартиры, прихожей, перед открытыми дверями в уборную и кухню, они, изнеженные московские дети, не могли отвести глаз от «маневренного фонда» – Венька даже показалось на миг, что все это происходит не с ним, а на экране, в каком-нибудь чернушном фильме! За серыми, немытыми окнами кухни, почему-то в решетках, сиял погожий весенний денек. А здесь было полутемно – из-за закопченных стен со старыми обоями, вытертого до черноты, когда-то крашеного масляной краской, дощатого пола, а главное – таких же серых, хоть и высоких, потолков с разводами облупленной, висевшей ключьями древней побелки... Да-а...

Даже в полутьме стало заметно, как побледнела Маринка. Но, храбро улыбаясь в ответ на растерянный взгляд мужа, она – будущая хозяйка – шагнула вперед, вначале – к туалету. Внутри он и впрямь больше походил на провинциальную вокзальную уборную. Ржавые трубы уходили в потолок, под которым находился сливной бачок, а спускать воду следовало, потянув за железную цепочку. Темные кирпичные стены. Довольно шаткий унитаз в старом, разошедшемся цементе. И, как водится на вокзалах, – жуткое коричневое пятно посредине унитаза от стоячей лужи ржавой воды...

Раскачивать сам унитаз ребята побоялись. После туалета даже кухня показалась чуть-чуть лучше: здесь, по крайней мере, не ощущалось застарелого запаха мочи и канализации. К тому же, зная, что в их комнатах есть электроплитка, Маринка к кухне отнеслась спокойнее. Но и здесь очень было на что посмотреть! Про стены и потолок говорить не нужно. Мебель – два стеновых шкафчика и две облезлых допотопных табуретки. Кухонный стол с тумбочкой – только один, видимо, Виктора. На столе – горка скудной посуды – миски, чашки, – точно покрытые пылью от старости, хоть, видимо, и считались «мытыми». Приборов, как и второго столика, не оказалось вовсе.

Дверь в их комнаты белела казенной бумажкой с печатью. Малышев, на правах нового хозяина, снял бумажку и легко открыл дверь уже выданным ключом.

Тут только бедная Маринка слегка, хоть и пока вымученно, заулыбалась. Во-первых, комнат оказалось не две, а целых три. В центре находилась гостиная, с одной стороны – спальня, а с другой – та самая санитарная кладовка, а на самом деле – такая же комната с окном, с канализацией, ванной и унитазом. Здесь же, на счастье, нашлись и кухонный столик, и даже вполне приличные посуда и приборы! Горячей воды, правда, не оказалось во всем доме – но ведь можно будет поставить нагреватель! Зато плитка оказалась не походной элеткроплиткой, а настоящей, большой, кухонной, с тремя конфорками! В гостиной стояли – и обеденный стол, и обычные стулья, и два платяных шкафа. Даже совковое раскладное кресло имелось! Спальня, правда, хранила лишь след от дивана да старые, железные книжные полочки на стенах.

Но уж диван-то под супружеское ложе можно будет «надыбать» и у родных! Словом, ребята повеселели, и, засучив, рукава, взялись за мойку окон своей «новой» квартирки. Вскоре окна заблестели, и все вокруг обрело более приветливый вид. Виктор пока не появлялся. Впоследствии Малышевы узнали, что он постоянно живет у женщины, а свою жилплощадь использует только для «дружеских» банкетов. Так что, по большому счету, молодое семейство, наконец-то вступило в права пользования собственной, практически отдельной, квартирой. И хотя осторожные родители Маринка «поначалу» не разрешили ей брать с собой ребенка в «такие условия», зато все остальное – и двуспальный диван, и новенькое постельное белье – и даже телевизор, магнитофон, старенький компьютер и плечики в шкафы для лучшей одежды – все было ими благополучно и неотложно «надыбано». Ребенка забирали только на выходные – и всю неделю Марина, как хлопотливая пчелка, упоенно занималась домашним хозяйством. Даже скатерть на стол в гостиной приобрела и новые занавески повесила!

А Венька и вовсе воспрял духом! Он, солидный отец семейства, теперь трудился директором досугового Центра, любил детей, числился на отличном счету в Управлении образования, да еще и занимался в заочной аспирантуре! Уровень самооценки повышался с каждым днем. Венька с головой погрузился – и в любимую работу, и в учебу, и в общение с новыми друзьями – в основном, девушками, как это обычно в педагогике. Совершенно не помышляя об измене и не скрывая имен и номеров в своем мобильном, ни эсэмэсок, ни даже записок, подложенных в портфель – он просто не хотел ни с кем ссориться на столь желанном новом месте! – Венька невольно все чаще нарывался на семейные скандалы.

Они, кстати, не заставили себя долго ждать. Первый серьезный скандал разразился месяцев через пять после свадьбы, зимой, на день рождения Маринки. Праздновать решили все вместе, в ближайший к дате декабрьский выходной. С утра – благо, в дневные часы вводились студенческие скидки – втроем забурились в арбатское кафе «Метелица», считавшееся в их кругу самым богемным местечком.

Веньке очень хотелось порадовать бедную Маринку, несколько закисавшую в их коммунальной дыре. Он и друзей-то своих, обоего пола, никого приглашать не стал, благо праздник не у него, а у супруги. Их спутницей стала любимая Маринкина подружка, Ленка Островская, тоже разведенная мать с ребенком.

Поначалу все шло хорошо. С радости по поводу праздника подвыпили, в их понимании, довольно крепко. Во всяком случае, замотанный работой и учебой Венька, впервые за долгое время, чуть ли не со свадьбы, ощутил блаженное состояние пофигизма, расслабленности и глуповатого животного счастья. Небывалый жор напал на всех, блюда «подметали» вчистую, и скоро ответственный Венька забеспокоился об оплате. Выгреб из карманов и «лопатника» все, что было, и попросил принести счет. Маринка, конечно, хотела «продолжения банкета». Продолжать поначалу решили у Малышевых дома. В прекрасном настроении, метро и троллейбусом, добрались до «своей» улицы Баумана. В квартире, кроме них, никого не оказалось. Зато в холодильнике, стоявшем в «санитарной комнате», нашлись – и бутылочка беленькой, и приготовленный на утро салат оливье. Салат, со вкусным густейшим майонезом, продержался недолго. Правда, поначалу успел нейтрализовать действие беленькой – в результате и ее распили полностью, на троих. Тут пьяная радость дошла до апофеоза. Включили маг, поставили любимые мелодии из «романтической коллекции», и пошли танцы-манцы – сначала общие, затем – на двоих, по очереди. Чтобы дамы не скучали между танцами, Венька сбегал в супермаркет и уже на Ленины деньги – принес «дамскую» бутылку полусладкого «шампусика».

И понеслось... Хмель все сильнее ударял им в головы. Особенно заметно захмелели дамы, – они пошли не по проторенному пути «повышения градуса» напитков, а по кривой дорожке «микста».

Все напасти начались с момента, когда «голодная» Ленка вроде ненароком, но весьма ощутимо – прижалась в танце к животу Веньки – соблазнительной женской округлостью пониже пояса. И тут положительный Малышев, глава семейства, вдруг дико возбудился. Тем более «вдруг», что блядовитая Ленка никогда раньше особым его вниманием не пользовалась. А может, и сама его не цепляла, имея «хахалю» под боком? Во всяком случае, по опыту прежних связей, Ленка разом «вникла» в его новое состояние.

И все пошло кувырком...

Глава 4

Мася

У Чехова есть прелестный рассказ, в котором примерный семьянин, смотритель затерянной в глухой степи железнодорожной станции, приглашая на Новый год распутную свояченицу, рассуждает сам с собой о том, что никакого вреда жизни их с женой визит свояченицы принести не может – «потому как жить хуже, чем они живут сейчас, нигде невозможно!». И только постфактум, когда все предсказанное случается, убеждая героя, что «хуже» – есть куда, и может быть еще «значительно хуже» – вплоть до нищеты и буйной палаты – герои, уже без сил, вспоминают «произволение господне».

То же случилось и в семействе Малышевых. В тот год – и Веньке, и Марине казалось, что ничего хуже их семейных условий и представить нельзя. Денег вечно не хватает, Маринка сидит без работы и начала потихоньку прикладываться к рюмочке; и само их жилье они раньше могли бы увидеть не иначе, как в фильме ужасов!

Но оказалось – можно и хуже, и «значительно хуже»! В тот вечер Венька, стараясь держать себя в руках, поехал проводить пьяную Ленку до дома. Предлагали и Марине ехать к Ленке всем вместе. Но ее так тошнило, так кружились перед глазами стены, что она побоялась не доехать. Единственно, на что хватило ее сил – всем вместе доехать остановку-другую на троллейбусе – до метро... Веньке потом долго помнилось: они с Ленкой входят через крутящиеся двери; уже шаловливая ручонка лезет к нему под ремень брюк; а Маринка, заслоненная дверью, стоит, ни о чем не подозревая – и что-то новое, теплое, мягкое, делает такими прекрасными ее черты – будто предощущение материнства...

Естественно, что у Ленки между ними все и случилось. Причем – то ли от подпития, то ли от Ленкиного темперамента – соитие показалось Веньке куда слаще, чем законные отношения с женой. Так и сплелось все в единый клубок: тянуло временами – то к чистой жене, то –

к гулящей Ленке. И не уходила, стояло перед глазами тогдашнее лицо Марины – лицо души, прозрачной и уверенной в преданности – его, Веньки, – супруга и опоры. Кстати, Марина казалась Веньке куда красивее. Ей бы еще Ленкин темперамент... Но тогда она водила бы его за нос; да и какая же это будущая мать! Словом, запутался Малышев капитально. Да тут еще законная жена Маринка огорошила известием, от которого в другое время Малышев прыгал бы до потолка. Выяснилось, что она ждет ребенка. Вот так! И все, что казалось неразрешимым, разрешилось просто и легко: Ленка решительно отошла на задний план. Все свободное время Малышев теперь проводил с Мариной.

Он даже окрестил ее новым ласковым прозвищем – Мася. Никогда доселе не умевший даже гвоздя забить – он обнаружил в себе мастеровой талант – прибил новые полочки, укрепил дополнительный кухонный столик рядом с их автономной плитой. И даже – сам не ожидал! – разорился на фирменный водонагреватель в санитарную комнату – раньше-то вода у них была только холодная.

Одно, правда, слегка тревожило. Неожиданно частые звонки Ленки Островской. По поводу и без. Странно, но Ленка как будто заняла нейтральную позицию советницы: и для него, и для Марины. Даже пробовала перезваниваться с Венькиным непростым семейством. Но Веньке гадать о причинах такого ее поведения было недосуг. Беременность Маси вызывала у него тревогу. Еще бы – постоянная тошнота, отвращение к пище и готовке (готовить помогала вездесущая Ленка!). Зеленое лицо, глаза постоянно красные, как от слез. Но самым неприятным было другое. Пока муж работал, Марина, проводя дома одинокие вечера, неожиданно и явно пристрастилась к рюмочке. Началось это так: однажды, обидевшись за что-то на Веньку, безбашенная Марина вознамерилась вызвать у себя выкидыш. Позвонила мужу на работу, заверила, что собирается пораньше лечь спать. Чтобы не удивлялся, что она не отвечает на его звонки. Налила полную ванну ледяной воды – и уселась в нее. Дескать, если капитально простудится и вызовет температуру, то плод отторгнется сам собой. В ванне просидела до полного посинения. С трудом, стуча зубами, спустила холодную воду. И, не выдержав, полезла в семейный шкафчик, где припасли для гостей бутылку портвейна. Впервые ей захотелось не просто «глотнуть», а выпить по-настоящему. И бутылки оказалось для этого вполне достаточно. Она и не заметила, на какой рюмочке «захорошела» по-взрослому. Отпустили все заботы. Улеглась тошнота – даже наоборот, появилось желание «закусить». Все тело согрелось – и скоро теплые волны закачали ее, крутя над головой потолок их трущобного жилья...

Муж ничего не заметил – к его приезду Мася уже спала спокойным сном.

Наутро, конечно, все вернулось – и тошнота, и отвращение к еде, и какое-то брезгливое настроение, когда сама не знаешь, чего хочешь. Но вечером – уже одна мысль, что можно хоть ненадолго забыть о неприятностях – придала ей сил и оптимизма. На этот раз Марина пригласила Ленку «с бутылечком». Вот с этого вечера Ленка и зачастила в их дом. Целый месяц Венька гнал от себя мысль, что Островская сознательно спаивает подругу. Во всяком случае, по возвращении он теперь привычно заставлял дома поддатую жену и трезвую любовницу. И, разумеется, Ленка не могла не «воспользоваться» своим явным преимуществом, добавив Малышеву вины и угрызений совести перед женой.

С течением времени события этого ужасного года как будто спрессовались в Венькиной памяти. Начнешь вспоминать – всплывают в мозгу самые яркие, самые дикие моменты. А время между ними кажется просто серым существованием. Первый момент и случился тогда, в декабре, на день рождения Маринки. Воспоминание об этой ночи у Ленки в ее квартире на Судостроительной улице и теперь вызывало краску на щеках – и какое-то запретное, стыдное и сладкое чувство, следом за которым жалило, как оса, сознание вины перед доверчивой беременной законной половиной.

А весной, на майские праздники, случилось следующее незабываемое – на этот раз – ужасное и отвратительное, как Черт у Гоголя.

С того самого Нового года Венька старался чаще бывать дома по вечерам. На время его присутствия Ленка теперь предпочитала тихо «линять», оставляя их одних. И Малышевы, пользуясь ранним приходом весны, выбирались на прогулку, или покупали в супермаркете разные вкусности. И лишь однажды их уединение нарушила веселая компания соседа Виктора. Произошло это почти перед Первомаем, которого Малышевы ждали с нетерпением – из-за намеченной заранее, примирительной вылазки вместе с родителями Маринки в любимое Подмосковье (как вариант, планировался поход на Сенеж, – на рыбалку). Малышевы – уже за неделю – с удовольствием принялись готовиться к желанному походу. И как-то вечером, вернувшись домой с радостью от капитального приобретения – бэушной, но крепкой и добротной двухместной палатки с изоляцией от насекомых – Малышевы еще на подходе услышали за дверью квартиры дикую какофонию жуткой музыки, включенной на полную громкость. Открыли дверь – и, в ужасе, встали на пороге, не решаясь даже пройти. Сосед Виктор – видимо, в преддверии майских праздников – устроил у себя полный «отрыв» с друзьями и подругами. Из его комнаты ревели дикая музыка. А из общего туалета, у самой входной двери, выполз сильно поддатый краснорожий мужик, пытаясь застегнуть ширинку и одновременно подмигивая онемевшей Марине. Выметенный из комнаты Виктора мусор и стопки столетних желтых газет перекочевали в общую кухню. Из кухни на звук открываемой двери выглянула неряшливая пьяноватая дама с искусственными, мелкими черными кудряшками. В руках незнакомка держала кастрюлю с жутким вонючим варевом, полбатона «чайной» колбасы и хлеб. Нисколько не смущаясь, она кокетливо обдернула несвежую блузку и важно представилась:

– Тамара. Подруга Виктора. Я здесь временно не жила, а теперь заселяюсь по новой!

Малышевым ничего не оставалось, кроме как ошарашено кивнуть в ответ – и, как через минное поле, пробраться по грязнящей прихожей к дверям своей квартиры. Войдя, они, не сговариваясь, несколько минут сидели в «санитарной» комнате, с облегчением вспоминая, что – и туалет, и ванная, даже плита и обогреватель – у них свои, автономные. После, утром, пол в санитарной пришлось тщательно отмыть – то, что в темноте Малышевы приняли за мусор, оказалось ... растоптанными фекалиями Викторовых гостей! Но это все потом. А тогда – прозвонилась по мобиле неунывающая Ленка. Маринка, честная жена, не выдержала и рассказала ей все.

Естественно, Ленка принялась настойчиво звать их к себе. И, конечно, Веньке некстати вспомнились ее формы и действительно необычный темперамент. Сначала робко, Малышев принялся уговаривать жену ехать в гости. Но расстроенная Маринка вдруг наотрез отказалась. Или что-то почувствовала между ним и Ленкой, или – и впрямь, на фоне беременности, не имела сил тащиться на ночь глядя через всю Москву. Или, наконец, – возникла третья причина, о которой Венька и думать забыл? Теперь уж не спросишь...

Словом, в тот раз они крупно поссорились, и упрямый Венька все-таки отправился в гости, хотя сексуальный позыв пропал у него капитально. Расстроились все: и нетерпеливая Ленка, и жена, справедливо ожидавшая внимания в своем положении, и, главное, сам Венька, всю ночь ломавший голову – как выскочить из пошлого любовного треугольника.

Утром, покинув недовольную Ленку, Малышев отправился на работу. Несколько раз он набирал номер Маринки, но «абонент» был недоступен.

Глава 5

Усы и лапки

Впрочем, за общением и работой Малышев несколько отвлекся от своих проблем. Для полной психологической разгрузки текущий отчет постарался освоить по максимуму, но в то же время тянуло домой – нехорошо было на сердце. Сдав отчет пораньше, он скоренько собрался и полетел на метро к дому. Уже смеркалось, в общей прихожей, как всегда, оказалась разбитой лампочка. На кухне остались жирные вонючие сковородки – видно, и вчера Виктор

приглашал гостей; в общем унитазе, давно разбитом с одного боку, кто-то так и не спустил за собой...

Но все эти ужасы оказались всего лишь цветочками по сравнению с увиденным в своей квартире. Нет, здесь было чисто, и все казалось в порядке. Станным счел Венька только место их супружеской кровати, обычно стоявшей в углу, под окном. Теперь кровать стояла перед гостиной, подальше от стен. Каждая ножка кровати находилась в отдельном, наполненном водой, тазике. Сверху на одеяле валялась Маринина пижама. И тут взгляд Веньки сам собой упал на стену напротив, отъединявшую их комнату от соседа. Сначала он и не понял в сумерках, что за шорох донесся до него с той стороны. Нашарил выключатель, зажег свет – и остолбенел. Мелькнула в памяти картинка из детства на улице Серафимовича. Родные занимали в Доме на набережной огромную четырехкомнатную квартиру, с большой старинной ванной и большой, как лишняя комната, кухней, куда, непонятно почему, выходили двери грузового лифта. (Много позже, читая Юрия Трифонова, Венька узнал об истинном назначении этого лифта!).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.